

«Считаю себя авангардистом»

Александр АКУЛИНИЧЕВ

Тридцатого июня 60-летний юбилей отмечает ректор Волгоградского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего образования РФ Олег Васильевич Иншаков. В преддверии круглой даты корреспондент «Форума» пообщался с Олегом Васильевичем – о работе, о жизненных вызовах, о планах.

«Один день не похож на другой»

– Олег Васильевич, Вы одновременно являетесь ректором ВолГУ и председателем Общественной палаты Волгоградской области, ведете научную работу, читаете лекции, то и дело Вас можно увидеть по телевизору или в прессе с комментариями по самым разным актуальным проблемам... Как Вы все успеваете? В чем секрет?

– Секрета нет. Кому много дано, тот должен много давать. Это надо людям, университету и мне. Нужно ли отдельное время, чтобы дышать, любить...

– От чего же Вам приходится отказываться, чтобы вести столь активную деятельность?

– От лени и сибаритства, от снобизма и цинизма, скуки и хандры, пороков и пророков. Активная творческая деятельность и есть жизнь.

– Расскажите, как проходит Ваш рабочий день?

– Один на другой очень не похож. Например, административный рабочий день, понедельник, – это Ученый совет. Я прихожу в кабинет, готовлюсь к совету, который потом может длиться несколько часов. Заседание еще может и не закончиться – а мне уже нужно быть в администрации. Или, скажем, сегодня пятница, и я весь день здесь, в своем кабинете. Я раздал людям задания, и пока они готовят идеи и проекты – работаю с документами: это авторефераты, заявки на участие в конкурсах, какие-то проекты... Порой это порядка 300 бумаг за день: где-то нужно посмотреть какие-то формальные моменты, а где-то – выкинуть. Но бывают дни, не похожие ни на какие другие: когда в университет приезжают важные гости, когда мне нужно отправиться в командировку. День на день не приходится.

– Как и в каком возрасте Вы выбрали свою будущую профессию? Почему остановились именно на «Политической экономии»?

– Выбрал в 16 лет, потому что этот профиль показался мне неизвестным и перспективным.

– Чем отличается экономическое образование 1970-х гг., когда Вы учились, от современного?

– Тогда было больше самостоятельной работы, не замалчивались проблемы капитала и рынка, лучше изучались оригинальные источники науки.

– Есть ли что-то, что нам стоило бы позаимствовать у преподавателей и ученых того времени?

– Гуманизм и стремление развивать знание. – Экономика традиционно рассматривается как наука, расположенная на стыке гуманитарных и технических дисциплин. Кто Вы в большей степени – гуманитарий или технарь?

– Я стремлюсь развивать предмет своей науки и изучать ее объекты, используя достижения всех наук в той мере, в какой они мне доступны. Техника научной деятельности всегда состоит из двух частей: метода и инструмента, и в этом смысле любой ученый непременно должен быть технарем. Но предмет моей науки, экономики, – отношения людей в хозяйственной системе, и в этом плане я – гуманитарий. Нужно владеть высокой технологией анализа и синтеза гуманитарного знания.

«Я хотел своей «целины»

– Кого Вы можете назвать своим учителем, наставником? Насколько вообще, на Ваш взгляд, велика роль наставника в становлении будущего специалиста?

– У меня были сотни учителей, но не было наставников. Каждый из тех, кого я считаю учителями, дорог мне по-своему. Многие из них и не знали, что я у них учусь. Важно в равной степени то, чему учит учитель, и то, чему учится ученик. Далеко не все усилия, интересы, пространство, время и способности учителя и ученика совпадают. Роль наставника же, я считаю, слишком велика, независимо от того, негативна она или позитивна. Я не рискнул иметь наставника: свобода выбора дороже. Я никогда не был ни чьим преемником в буквальном смысле, только



в формальном. Наставничество и преемство сковывают личность.

– В свое время Вы покинули Ростовскую область и перебрались в Волгоградскую. Насколько тяжело было уезжать из родных мест? Почему Вы не подались в столицы, ведь такое движение не было редкостью и в советское время?

– Я хотел своей «целины», хотел создать свое дело. Волгоградский государственный университет в 1986 г. был еще очень слабым и нуждался в молодых перспективных кадрах. А я нуждался в нем. Никогда за четверть века не пожалел о своем решении.

– Что Вам больше всего нравится в Волгограде и Волгоградской области? Что – не нравится, чего не хватает?

– Перечислять все достоинства и недостатки – слишком долго. Но больше всего тревожит длительное торможение в развитии региона, застойность идеологии, усталость авангарда гражданского общества, господство поверхностного видения проблем, а также недостаток обоснованных, смелых, эффективных и перспективных управленческих решений.

– Как Вы думаете, когда для Вас закончилось детство и началась «взрослая жизнь»? Насколько болезнен был этот переход? Верите ли Вы в такие психологические явления, как «кризис конца молодости» или «кризис среднего возраста»?

– Я начал периодически работать на заводе, в поле, на стройке с 14 лет, из дома ушел в 20, жил по чужим углам, было трудно и бедно, но бурно и интересно. А кризисы наступают не в определенном возрасте, а тогда, когда надо менять способ жизни, когда требуется обновление. Главное – правильно этот кризис использовать, то есть принять решения, полезные в будущем. Кризис должен стать способом обновления.

– Испытываете ли Вы ностальгию по советским временам, или современная Россия Вам больше по душе? Почему?

– Я не тоскую о том, чего не вернуть. Я тоскую о том, чего не могу получить в будущем. Я люблю Родину критически и созидательно, а не безоглядно и фатально.

– Почему, окончив вуз, Вы решили продолжить научную карьеру, а не пойти, например, на государственную службу? Видите ли Вы себя большим чиновником – губернатором, министром?

– Видимо, я исследователь по своей природе, мне интересно на пути познания. «Служить бы рад – прислуживаться тошно». В большие чиновники меня не раз звали, но думаю, что я сейчас на своем месте. Должности приходят и уходят, а призвание остается с человеком навсегда. Правда, его, призвание, бывает трудно понять.

– Перебраться из большого Ростовского университета в Волгоградский, которому было всего 6 лет от роду, – это довольно смелое решение. С какими трудностями Вам довелось столкнуться тогда, в 1986-м? Считаете ли Вы себя авантюристом?

– Я не авантюрист, а авангардист, то есть человек, защищающий передний край. Когда почти ничего у тебя нет, какие могут быть трудности? Создавай новый мир, радуйся возможности творчества и достижениям. Когда же накопилось много хлама и нести его становится трудно, а бросить жалко, когда тебе спутывают ноги и вставляют палки в колеса – вот тогда становится трудно. Пока – не трудно. Спасибо конкурентам, критикам, коллегам.

«Воплощая планы, ты развиваешься»

– 1990-е годы, время, когда Вы стали ректором ВолГУ, сегодня принято вспоминать едва ли не с ужасом, навешивая ярлыки – «лихие» и т. п. Были ли для Вас 1990-е годы «лихими» и почему? А были

ли они такими для ВолГУ?

– В ВолГУ не было большого лиха: за все годы случилась всего одна задержка заработной платы на неделю. В 1991-м я стал проректором по социально-экономической работе, тут и пригодились экономические знания, умения и опыт. Было найдено много интересных решений, которые потом еще долго использовали вузы разных регионов России. Кадры мы сохранили, материальная база росла, финансовое положение и авторитет только крепли.

– В свое время Вы инициировали разработку «Концепции развития ВолГУ», позже – «Программы развития ВолГУ». Как Вы оцениваете итоги воплощения этих концепций и программ в жизнь? Насколько подобное целеполагание, планирование помогает в работе? В жизни?

– Без программ и планов только «младореформаторы» пытались перестраивать Россию 1990-х годов. Это кончилось плохо, потери оказались очень большими, а последствия тяготят нас и сегодня. Без стратегического видения будущего никто в норме не живет. Воплощая планы, развиваешься, находишь новые задачи и решения, отбрасываешь ненужное. Что касается ВолГУ, то выполнено более 90% намеченного, но что-то еще осталось, а что-то оказалось пустым. Научная библиотека – приоритет.

– Каким Вы видите будущее университета?

– Очень скоро ВолГУ станет автономным образовательным учреждением, это первый компонент будущего. Хотелось бы также, чтобы ВолГУ стал научно-исследовательским университетом. Третье – хотелось бы, чтобы наш университет стал примером эффективной вертикальной интеграции образования, объединив среднее, высшее и последипломное профессиональное

образование в одном учреждении. И четвертое, хотелось бы, чтобы в университете училось не менее 25-30 тысяч студентов. Это – оптимальный размер современной научно-образовательной организации, отвечающей задаче инновационной модернизации России.

– За последние десятилетия жизнь в мире и в России заметно изменилась, ускорилась: появились компьютеры, мобильные телефоны, Интернет... Какое из всех подобных новшеств больше всего повлияло на Вас? Какого изобретения – еще не существующего – Вам не хватает?

– Компьютерные и коммуникативные технологии, несомненно, улучшили качество и характер исследовательской и административной деятельности, мою гражданскую и семейную жизнь. Но в этом есть и недостатки. Я вообще не люблю телефоны, воспринимаю их как привязь. Не люблю я и плагиат и компиляции из Интернета. Не понимаю «девятый вал» и бумажную пену современного документооборота. Не люблю многочисленные бессмысленные и бессодержательные совещания, конференции и круглые столы, не люблю бесконечные выборы... Все это тоже продукты новых технологий и их бездарных носителей. Слишком много сетей и связей, лабиринтов и колеи, заборов и барьеров выросло: не обойти, не выйти. Свобода все больше становится необходимостью.

– Ваши жена и дочь тоже работают в университете, сын заканчивает магистратуру. Получается ли дома не говорить и не думать о ВолГУ, о работе? В какой степени Вы отделяете одно от другого, работу от дома?

– Стараемся. Я не поддерживаю или даже прерываю разговоры об административной стороне работы, но с удовольствием разделяю творческие обсуждения.

– Олег Васильевич, скажите, есть ли какая-то книга или фильм, которые являются для Вас источником вдохновения?

– Для меня это всегда был сложный вопрос... Понимаете, в чем дело: я считаю, что если человек заиклен на одной книге, на одном фильме, на одном каком-то произведении – он ограничен. Я этого не понимаю. «Назовите вашу любимую книгу, пять, десять» – это глупый вопрос, ведь в каждое время жизни они могут быть разными. Времени читать обычно мало, но если я въедаюсь в какую-то книгу, то могу читать сутками. Недавно, например, я прочитал роман Дэниела Киза «Цветы для Элджернона». Раньше она мне не попадалась, а тут сын подарил. «Цветы для Элджернона» – гениальная книжка с точки зрения своего гуманизма, поднятых проблем морали, этики. С одной стороны, она показывает, как мы можем быть жестоки к людям с ограниченными возможностями, а с другой – как сами эти люди могут учить обычных и даже высокоразвитых людей быть человечнее.

– Если бы Вы не стали ректором ВолГУ, кем бы Вы могли работать сегодня?

– На вопрос в сослагательном наклонении точно ответить не могу. Был бы человек умный и умелый, а место ему найдется всегда.

Анкета от студентов

«Форум» собрал вопросы студентов разных курсов, факультетов и институтов, которые они хотели бы задать ректору. Получилась краткая, но содержательная анкета.

– Какими иностранными языками Вы владеете? Легко ли Вам дается изучение языков?

– Лучше – французским, хуже – немецким, совсем слабо – английским. Учу языки легко, но пока некогда.

– Если бы Вы были студентом сейчас, стали бы Вы участвовать в программах обмена студентами, в «Work&Travel» и т. п.? Почему?

– Жизнь нужно испытывать, но разумно, в русле стратегии своего будущего.

– Поддерживаете ли Вы отношения с одноклассниками и одногруппниками? Как часто встречаетесь с теми и другими, как проходят эти встречи?

– Встречались на 30-лети выпуск из университета. Это было скорее печально, чем приятно. Время коварно.

– Какая внеучебная деятельность привлекала бы Вас, будь Вы студентом сегодня, больше всего – КВН, СТЭМ, спорт, интеллектуальные игры, волонтерство? Почему?

– Опять сослагательное наклонение. Все интересно, но, скорее, все-таки научно-исследовательская работа. Творчество во всех видах – суть человека.

– Если бы ВолГУ открыл свои двери не в 1980-м, а в 2012-м, чьи портреты нужно было бы повесить над входом?

– Те же, что уже висят. Других не надо.

– Как Вы считаете, насколько толерантно современное российское общество? Нужно ли нам в толерантности равняться на Америку и Европу?

– Толерантность обозначает терпимое отношение к иному образу жизни, поведению и обычаям, чувствам и мнениям, идеям и верованиям. Она зависит от того, насколько иной этот образ, поведение, идеи... К экстремизму и фундаментализму, феодализму и фанатизму, расизму и национализму, подлости и жестокости нельзя быть терпимым. А сравнивать несравнимые исторические пути и актуальные состояния разных стран и социальных пространств нельзя.

– Хотели ли Вы, чтобы дети пошли по Вашим стопам?

– Нет. Родители рожают детей не для себя, как утверждает древняя мудрость. Дети выбирают свой путь сами.

– Чем Вы больше всего гордитесь?

– Я не горжусь. Пусть другие оценят мои дела. Если хорошо – я радуюсь.

– Когда и за что Вам в последний раз приходилось краснеть?

– Краснею, когда смущаюсь, гневаюсь или стараюсь. Значит, это бывает часто.

– (из опросника Марселя Пруста) К каким порокам Вы испытываете наибольшее снисхождение?

– Чревоугодие и сладострастие, поскольку они достались нам от страха голода и смерти рода.